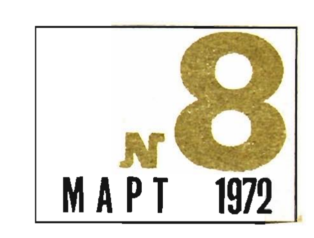
— Кафе, танцы... Все надоело...
В загс, что ли, сходить...

Рисунок В. ГОРЯЕВА

КРОКОДИЛ

Евгений ДУБРОВИН, специальный корреспондент Крокодила

—...таким образом, улучшив организацию труда, мы добились...

— Простите за нескромный вопрос: почему вы носите бакенбарды?

— Что? Бакенбарды? Для теплоты. Попробуйте поработать на высоте двадцати метров в такой морозище!

* * *

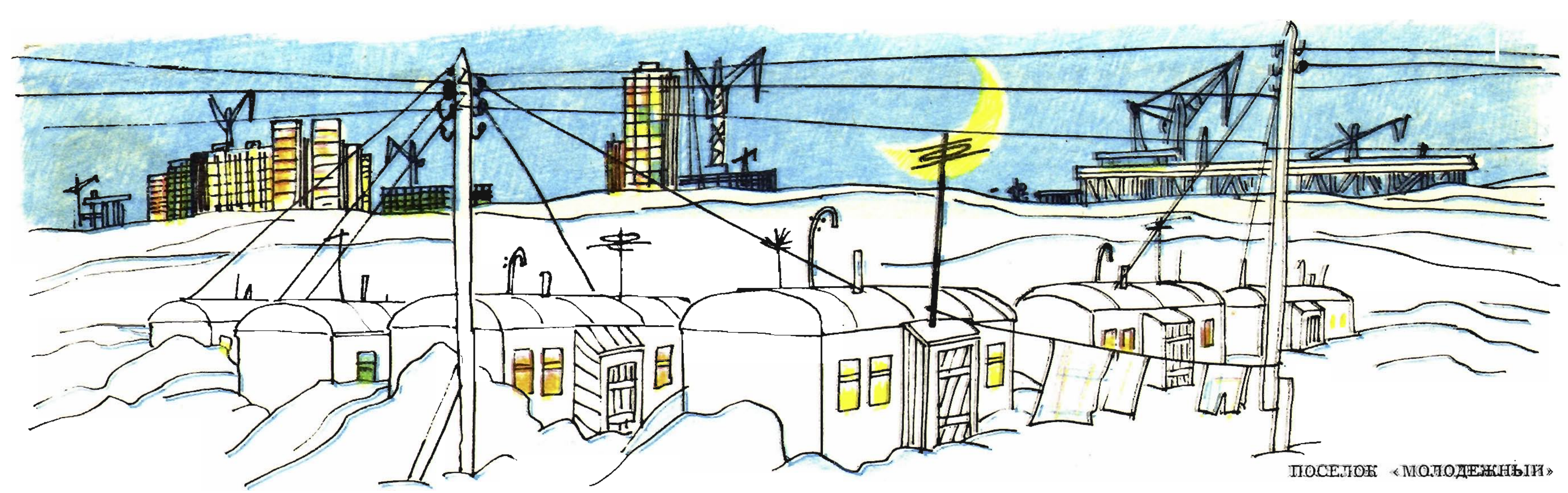
— Бакенбарды? А чтобы мать родная не узнала. Хочу ей отсюда карточку послать. Стою с баками. Очень даже смешно.

* * *

— Мода у нас такая. Без баков девчата любить не будут.

(Из блокнота, попавшего под бульдозер)

Может быть, и не стоило делать этого признания, даже наверняка не стоило, потому что к делу не относится и вдобавок смеяться будут, но все

ПОСЕЛОК «МОЛОДЕЖНЫЙ»

же я расскажу, как оно было, без утайки. Свой первый репортаж со строительства КамАЗа я бросил в печку. Я бросил его в печку, как Гоголь. Я бросил его в набитую березовыми дровами печку столовой имени Стеньки Разина, что стоит на самом берегу Камы в старой части города Набережные Челны. Я бросил репортаж в печку сам, без принуждения, находясь в здравом уме и твердой памяти, и репортаж загорелся не хуже березовых дров, потому что был написан на сухой и добротной бумаге...

Этот репортаж был плодом бессонных ночей в гостинице-люкс под кодовым названием 2/3.

* * *

— Вы будете жить в два дробь три тире шесть.

Мы вздрогнули, потому что перед отлетом, ожидая самолет в аэропорту Быково, просмотрели две серии «Короны Российской империи».

— Сначала пойдете мимо восемь дробь шесть, потом повернете на шесть тринадцать, затем — на пять четырнадцать. Хотя вам лучше сначала на дробь восемнадцать, а уж потом на пять четырнадцать.

Художник Владимир Шкарбан неуверенно начертал цифры в блокнот.

Если бы в этот момент в блокнот заглянул профессиональный разведчик, началась бы стрельба, погоня и можно было бы на этом материале приступать к съемкам третьей серии «Короны».

Итак, гостиница зашифрована! И не только гостиница, а и подступы к ней. Да что там подступы! Весь Новый город и поселок энергостроителей оказались зашифрованными.

— Почему вы не придумаете названия улицам?

— Некогда. Построим сначала, а уж придумывать потом будем. Надо, чтобы были красивые...

— А хоть город-то как называется?

— Пока называем Новым, а там посмотрим. Может, Автоградом. Но многие за то, чтобы оставить Набережные Челны. История со строительством средств передвижения повторяется. Здесь челны для Стеньки Разина делали. А сейчас вот автомобили будем строить...

(Из блокнота, попавшего под бульдозер)

Гостиница как гостиница, может быть, шумнее обычной. Люди вваливались в нее в самое неожиданное время суток. Так же неожиданно они исчезали, и, встав утром с постели, мы совершенно не знали, кого обнаружим в умывальнике. В умывальнике все люди одинаковые, и уже потом, ближе к восьми часам, они становились командированными милиционерами, железнодорожниками, пожарниками. Люди приезжали и уезжали, но один человек неизменно оставался.

Человек этот был прозван нами, может быть, и не очень остроумно, но весьма точно — Иерихонской Трубой.

— Эхо-хо! Га-а-а! — давал знать Иерихонская Труба о своем пробуждении и отправлялся на кухню жарить яичницу. Яичница подло шкворчала, искажая содержание наших сладких утренних снов. Затем Труба пил чай, причем, судя по звукам, вкладывал в это дело большой смысл. Потом в номер «люкс» вваливалась толпа вежливых молодых людей, и тут-то начиналось настоящее.

— Сорок на восемнадцать! — ревел наш мучитель. — И плюс сорок два! И минус одиннадцать. И все это первым сортом! Первым, поняли?

Молодые люди почтительно шуршали шариками своих ручек.

Лежа в кроватях и вдыхая чад яичницы с салом, мы чувствовали, что постепенно становимся не только озлобленными гурманами, но и крупными специалистами, только неизвестно, в какой области. Ибо, кроме громовой излюбленной Трубой фразы: «Главку отдай главково, тресту — трестово, а СМУ — смутово»,— смысл остального был затуманен цифровым маревом. У меня сложилось подозрение, что Труба имел отношение к планированию стройки, хотя за достоверность этого не ручаюсь.

Вообще воздух в гостинице, казалось, пропитался цифрами. Люди, которые вваливались к нам в комнату, а потом бесследно исчезали, изъяснялись только цифрами, даже за чаем оперировали счетами, арифмометрами и логарифмическими линейками. Даже пожарники что-то подсчитывали и строчили в блокноты. Даже милиционеры... Да что милиционеры! Мне пришлось наблюдать, как бормотал цифры композитор, приехавший на КамАЗ за ораторией.

Но, конечно, эти люди не шли ни в какое сравнение с Иерихонской Трубой. Труба знал наизусть все цифры, которые существуют, и даже, наверно,

(См. стр. 8—9)

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

ВИЗИРИ

Любой бумажке,
хоть год паси
ее в канцелярских прериях,
без властного росчерка — подписи
ни ходу нет, ни доверия.
Что ж подпись! Творенье пера...
А добудь
ее под служебными кущами.
Ох, труден порою и долог путь
к автографу власть имущему!..

С проблемой быта у вас маета.
Мечтаете не о комфорте вы —
все проще: на кухне одна плита
всего с четырьмя конфорками.
Плита, между прочим, не ЗИЛ, не ТУ.
Вы жаждете — в вашей обители,
на радость хозяйкам, вторую плиту
поставить за счет заявителей.
Вы пишете. Ждете. Недели бегут.
На плитке сшибаются чайники.
Вы пишете снова. В ответ ни гу-гу.
Тогда вы идете к начальнику.

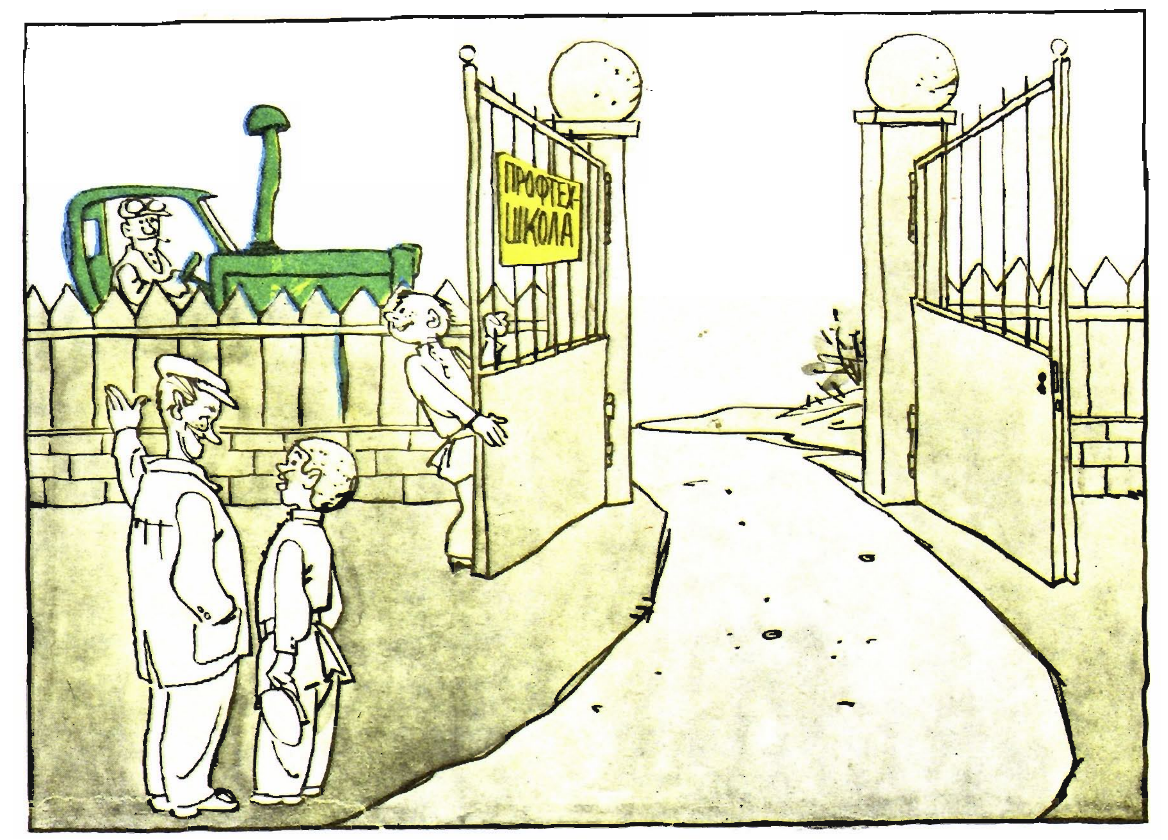
Вы с трепетом входите в кабинет,
вопросом нарушив молчание.
Однако в ответ вам —
ни «да», ни «нет»,
а нечто (согласие или ответ!)
похожее на мычание.
— М-м... что-то не вижу
ответственных виз.
М-м... в просьбе немало резонного,
но где же наметки, параметры! Вниз
спуститесь за визой к Парфенову.
Небритую щеку рукой подперев,
тоскуя в бумажной метелице,
Парфенов, для визы еще не созрев,
увы, не мычит и не телится.
Не выжмешь, хоть тресни,
ни «да», ни «нет»
из дяденьки полусонного.
Но вот наконец раздается ответ
очнувшегося Парфенова:
— Пусть Кузькин сначала...
Захлопнулась дверь.
Вы мечетесь в поисках Кузькина,
вы тычетесь в двери,
как загнанный зверь,
проходы вам кажутся узкими...
— Где Кузькин!
— Сегодня уехал чуть свет.
В Цхалтубо отправился. Ишиас.
— Но виза!!!
Все те же ни «да», ни «нет»:
— Не знаем. Начальство повыше есть...

Вы год обиваете этот порог
в погоне за чьими-то визами.
То этот уехал, то тот занемог —
вы сыты по горло сюрпризами!

Виза на визе... Кое-кому
хочется крикнуть, вызверев:
— Кончайте бумажную кутерьму,
вы, бумажные визири!

г. Киев

— А вот и подарок наших шефов!

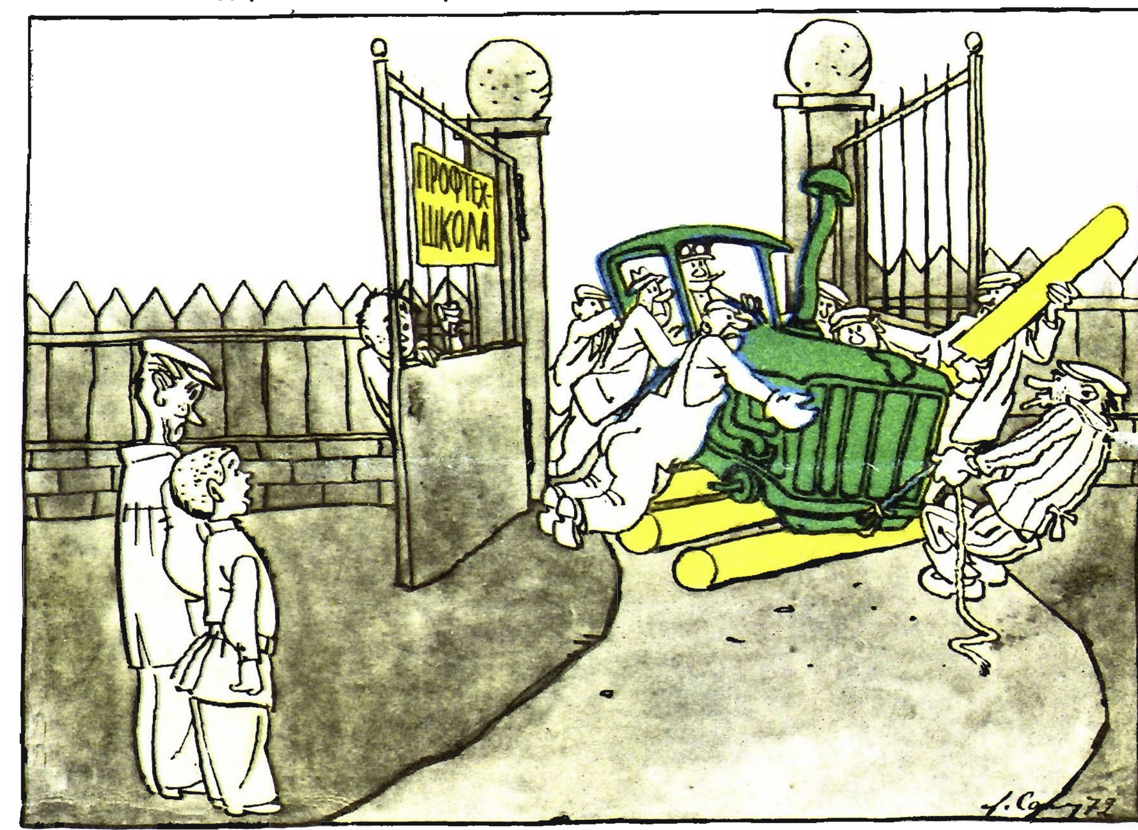

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

. . . .

Крокодил помог

«УДАРНАЯ ПЕДАГОГИКА»

Одноименный фельетон Э. Гая и Б. Ганина рассказывал о том, что некоторые преподаватели училища механизации, расположенного в Куйбышевском районе, Кокчетавской области, воспитывали учащихся кулаками, незаконным лишением стипендии и даже обеда. В результате «ударной педагогики» из училища ушло пятьдесят человек («Крокодил» № 22, 1971 г.).

Редакцией получены письма секретаря Кокчетавского обкома КП Казахстана тов. Б. Жумагалиева, председателя Госкомитета по профтехобразованию Казахской ССР тов. А. Брыжина и прокурора Кокчетавской области тов. С. Джусупова. Как видно из этих писем, факты подтвердились. Постановлением бюро Куйбышевского райкома партии директору училища А. Кочубаеву объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Заместителю директора М. Токсанову объявлен выговор с занесением в учетную карточку. Оба они освобождены от занимаемых должностей. Сняты с работы мастера производственного обучения С. Жузенов, И. Шостик и преподаватель физкультуры Н. Калыков.

Райком партии и областное управление по профтехобразованию принимают меры для устранения недостатков в воспитательной работе училища.

«ЧЕМ КРЫТЬ!»

В квартире Липатовых, проживающих в доме № 1 по улице Гончарова в городе Ульяновске, потолок начал протекать еще три года назад. С тех пор Липатовы выслушали много официальных обещаний по поводу ремонта крыши, а над ними все капало и капало. Солидная переписка с разными организациями послужила материалом для заметки «Чем крыть?» («Крокодил» № 21, 1971 г.).

Как сообщил заместитель председателя Ульяновского горисполкома тов. Н. Спиридонов, кровля над квартирой Липатовых приведена в порядок.

Е. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

НЕ ВСЁ ГЕНИАЛЬНОЕ ПРОСТО

Банка. Простая стеклянная консервная банка, каких у нас в стране миллионы.

И которые делаются на стеклотарных заводах, с которых банки попадают на консервные заводы, которые наполняют их чем положено, чтобы рассеять потом по магазинам, в которые и наведываются рядовые покупатели, которых в нашей стране тоже миллионы.

— Только этого мне и не хватает! — вправе воскликнуть на этом месте читатель.— Разжевывают для меня то, что и без фельетонов известно!

Конечно. Сама собой разумеющаяся ситуация. Все очень просто.

Попробуем еще больше упростить. Укоротим цепочку этих «которых». Оставим только взаимоотношения консервного завода и стеклотарного.

Самые тесные взаимоотношения у них назревают по осени, когда нахлынут на них со всех сторон свежеурожайные овощи-фрукты.

Правда, сами-то овощи-фрукты наваливаются только на консервный завод, но и у стеклотарного завода в это время тоже изовсехсильная работа.

И что из этого порой получается? Вот самый могучий в стране производитель консервов с увесистым названием «Херсонское производственное объединение консервной промышленности управления «Укрглавконсерв». Как осень, так подайте ему банку! «Подайте» — не в повелительной форме, а в просительной. Письменно просят, телеграфно умоляют, снаряжают в дальнюю дорогу самых одаренных толкачей.

Но банок все равно не хватает, и херсонские пищевики, отчаянно стыдясь своего кощунства, начинают «грузить апельсины бочками», потому что бочкотару заиметь легче... Не банки, а бочки, не соки, а паста — вот какой компот получается.

А генеральный директор Панасюк гневно ходит вдоль забора. И справедливо шепчет, ходя вдоль забора:

— Я с этим Клименко!..

Он с этим Клименко договорными узами связан, Клименко этот на стеклотарном заводе директорствует. На огромном таком стеклотарном предприятии, на котором как осень, так подайте ему вагоны! «Подайте» — тоже в просительной форме, потому что стеклянной банкой уставлена вся территория завода. Банки — в ящиках, ящики — в штабелях, штабеля — выше забора.

Но вагонов все равно не хватает. Тем более, что на дворе осень со своим урожаем, который надо возить по «зеленой улице».

И тоже в сердцах ходит стеклотарный директор Клименко вдоль забора и тоже справедливо шепчет, ходя вдоль забора:

— Я с этим Панасюком!..

Они с этим Панасюком в столичный город Киев задумали обратиться. Дуэтом. Уже после того, как железнодорожники допустили банки на «зеленую улицу». Прошлой осенью это было. И была тогда у консервного объединения обыкновенная острая нуждаемость в банке, и было на стеклотарном заводе этой банки сколько угодно.

Только посягать на эту банку Херсонское консервное объединение так вот просто не могло. Иссякли у него фонды на новенькую банку, и оно обязано было ждать, когда привезут откуда-нибудь в Херсон старую стеклотару.

Но урожай-то не ждал, и вот оба директора обратились в оба свои министерства и еще в республиканский Госплан... Да, в оба министерства, потому что консервы — это «пищевая промышленность», а банки для консервов — это совсем даже «промстройматериалы».

Оба директора были энергичны и правы, поэтому разрешения они в конце концов добились.

Правда, в порядке исключения.

Правда, через несколько недель.

Правда, это было уже слишком поздно.

Но зато оба директора умилились своим пробивным способностям и задумали сгоряча чуть ли не переворот в консервной промышленности.

Им вообще гениальной простоты захотелось. Если раньше Херсонское объединение, как и все прочие консервные заводы, сильно зависело от оптовых баз, которые должны собирать по республике и привозить обратно на заводы опорожненные банки, то теперь оба директора загорелись идеей перевести Херсонское объединение только на новенькую банку.

Они думали: раз под нашим началом два огромных, наполовину зависимых друг от друга предприятия, то пусть уж мы будем зависеть друг от друга целиком. И новенькие банки не залежатся, и свежие овощи-фрукты не залежатся, и выпуск консервов в объединении сильно скакнет. Не сто семьдесят пять вагонов в сутки можно будет консервами загружать, а и двести с лишком. А всю возвратную тару пускай местные консервные заводы на местах же и начиняют.

Но из этой затеи ничего не получилось. Директорам сказали: «Не хватало еще из-за вас перекраивать планы для остальных заводов. Да к тому же еще остальные директора могут и взвыть от зависти».

И по-прежнему положение с консервированием остается сложным. Огромный стеклотарный завод рассылает банки по всей республике. Каждый завод получает свои сорок процентов новых банок. А другие шестьдесят процентов — банка использованная, которую приходится доставать там и сям по всей республике.

А вагонов не хватает. И по-прежнему возят пустые банки из Херсона... в Херсон. Гигантское стеклотарное предприятие называется Херсонским стеклотарным заводом, и поэтому в Херсоне же и расположено. И с головным заводом консервного объединения у него столько общего, что даже забор общий.

г. Херсон.

НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

— О вашем творчестве я скажу открыто и решительно, прямо в глаза!

Рисунок И. СЫЧЕВА

Мимоходом

Его пьеса пролежала в портфеле театра два года. На сцене она столько бы не продержалась!

Если первое действие плохое, это не значит, что два последующих будут лучше.

Чем дальше сидишь от сцены, тем хуже видно плохую игру.

«Начинать надо с Малого!» — заявил начинающий актер.

Хозяева днем и ночью сторожили собаку редкой породы.

Уж лучше скрытный порок, чем кричащая о себе добродетель.

М. ГЕНИН

Зооафоризмы

А Божья-то Коровка — жучок!

Убрали китов, державших Землю,— вот и крутимся!

На змеиный симпозиум сползаются делегады.

Так и прожил Клещом. Безотрывно.

Семейка: Прохиндюк и Прохиндейка.

— Иду на шашлык! — геройствовал Баран перед соплеменниками.

Кентавр — идеальное решение проблемы Седока и Лошади.

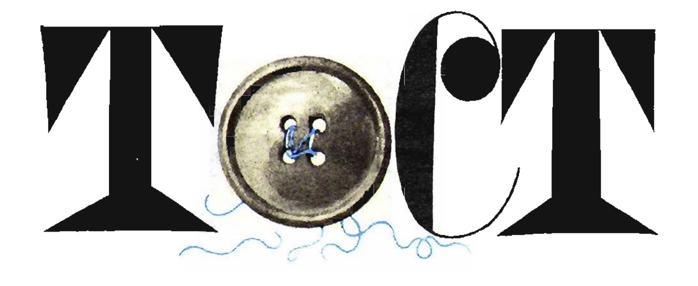
Н. ПОЛОТАЙ

— У этого гражданина, видно, тоже хобби: каждый день добивается от нас какой-то справки...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Н. ИСАЕВ

Рассказ

По центральной улице шел я в пиджаке. Брюки, конечно, тоже были, но это к делу не относится. Главное — пиджак. И акцентирую я на нем внимание не потому, что уж больно хороший был пиджак, а потому, что с него отлетела прямо посреди центральной улицы пуговица.

Пиджак был модный, застегивался всего на одну пуговицу. И получилось, что я остался совсем без пуговиц на пиджаке... И вид у меня сразу стал распоясавшийся, хулиганский отчасти, и вызывающий. И прохожие на меня сразу стали косо смотреть, вежливо так обходить.

А ведь я, по-моему, неплохой человек и даже отчасти передовик на своем скромном участке, но только вот отлетела у меня прямо посреди центральной улицы пуговица.

— Надо что-то делать,— сказал я себе,— а то еще немного, и я превращусь в антиобщественный элемент.

И вдруг из переулка мигнула мне чарующим светом реклама: «Бытовой комбинат».

Я открыл дверь комбината. Очереди не было, и я оказался перед приемщицей — с глазу на глаз.

— У вас что, товарищ? — спросила она.

— Извините, пожалуйста, — начал я.— Простите меня, если сможете... Видите ли, я не хочу, чтобы вы приняли меня за распоясавшегося хулигана или на худой конец за зарвавшегося хама, но я вынужден спросить, не сможет ли ваш комбинат пришить мне срочно пуговицу к модному пиджаку?

Приемщица удивленно подняла брови.

— Я понимаю, что это слишком... Но, может быть, ваш комбинат найдет возможным предоставить мне иголку с ниткой, и я бы сам, так сказать, крест-накрест пришил...

— Что вы, товарищ? — удивилась приемщица.

Мне стало стыдно. Действительно, ворвался в рабочее время этакий распоясавшийся детина и требует нитку с иголкой.

— Давайте сюда ваш модный пиджак. Мы моментально пришьем вашу пуговицу.

Я сунул руку в карман за оторванной пуговицей.

— Вы были так добры ко мне,— всхлипнул я.— Но я должен уйти. Я потерял оторвавшуюся пуговицу!

— Пустяки,— засмеялась приемщица.— Мы найдем вам другую пуговицу.

Она взяла мой пиджак и ушла в цех.

— Через минуту будет готово,— улыбнулась она, вернувшись.— А пока познакомьтесь с моей сменщицей Розой. Роза, это наш клиент. А это Роза.

— Клиент,— представился я.

— Роза,— представилась сменщица.

Первая приемщица упорхнула.

— Вам чего? — спросила Роза.

— У меня там пиджак модный.

— Сейчас принесу.

Она принесла.

— Как новенький. Вот только дырочка...

— Откуда же на нем дырочка и почему пуговицу не пришили?

Она унесла пиджак и вернулась с желтой сумкой.

— «Молний» нет,—объяснила она.— Но на болтах сумка держится еще лучше, надежнее.

— На болтах, я думаю, хорошо,— согласился я.— А где же мой модный пиджак?

— Какой пиджак?

— С дырочкой.

— Квитанция где?

— У меня срочно. Без квитанции.

— У-у...— протянула Роза и ушла в цех. Принесла она оттуда белые туфельки на шпильках.

— Не набойки — мечта,— предупредила она.— Век носить будете!

— Не буду,— заупрямился я.

Лицо Розы вытянулось.

— Почему?

— Они мне малы. И я на шпильках не умею.

— Разносите.

— Роза, я вас очень прошу, отдайте мне мой модный пиджак с дырочкой!

— Потом жалеть будешь, да поздно. Последний раз бегу...

Вернулась она с портативным холодильником.

Теперь у меня дома всегда холодное пиво. Так сдвинем кружки, друзья, и выпьем за сферу обслуживания и мой модный, светлой памяти, пиджак с дырочкой!

Рисунок М. СОКОЛОВА

Комиссия по борьбе с городским шумом за работой.

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

НОВАЯ КНИЖКА ПАРОДИЙ

В издательстве «Советская Россия» вышел сборник литературных пародий ярославского поэта Михаила Глазкова «Пьедесталы напрокат».

Книжка открывается пародией-шуткой «Письмо турецкому султану» о том, как написали бы это послание не запорожцы, а современные стихотворцы. Имитируя стилевые особенности каждого поэта, автор достигает комического эффекта.

Большинство пародий носит сатирический характер: М. Глазков метко высмеивает отдельные ляпсусы в стихах некоторых авторов, которые, подобно в общем-то неплохим певцам, вдруг пускают такого «петуха», что, как говорится, уши вянут.

В минувшие годы автор выступал уже с подобными сборниками; новая книга свидетельствует о творческом росте поэта.

ПО ПРИМЕРУ КОЛУМБА

Жили три друга в одном НИИ, пой песню, пой... Дружили они с институтской скамьи и шли по жизни плечом к плечу, ориентируясь во всем на Колумба, который, как известно, был предан своей идее.

Но вот один из них, тот, что был талантливым ученым, делает потрясающее открытие, благодаря которому каждый самый некрасивый человек в короткий срок может стать идеалом физического совершенства. Однако вскоре друзья убеждаются, что повальная красота сулит человечеству бо-ольшие неприятности...

Необычность вышеприведенной ситуации, видимо, и послужила той самой причиной, по которой автор пьесы «Выпьем за Колумба!» Л. Жуховицкий назвал ее полуфантастической комедией.

Комедия идет на сцене Ленинградского академического большого драматического театра имени М. Горького. Постановка народного артиста СССР Г. Товстоногова и Ю. Аксенова, композитор М. Табачников. Жертву эксперимента играет Н. Тенякова, а роли друзей-ученых с блеском исполняют заслуженный артист РСФСР О. Басилашвили, заслуженный артист УССР О. Борисов и артист В. Рецептер.

Роль Колумба в спектакле играет сам Колумб.

КАМУШЕК В ЧАРЫКЕ

Чарыки — национальная обувь в Дагестане.

Вот почему новая книжка стихов Жамидина в переводе Андрея Внукова, выпущенная издательством «Советская Россия», открывается миниатюрой «Камушек в чарыке»:

Пусть будешь ты и важен и велик,
Пускай тебя хранят в дороге боги,
Но камушек, попавший в твой
чарык,
Не даст тебе спокойствия в дороге.

Поэт подмечает все и всяческие «камушки», которые не дают покоя людям. Темы стихов поэта разнообразны, но их пронизывает одна мысль — нужно вышвырнуть эти «камушки».

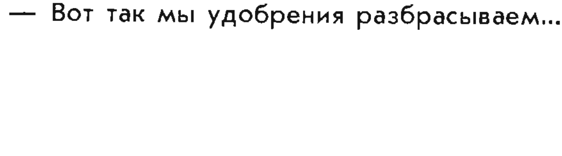
ТАЙНА ЗОЛОТОГО ШЛЕМА

Начало этой удивительной истории уходит в те далекие времена, когда Александр Македонский создавал великую империю.

Случилось так, что в пылу какой-то очень жаркой битвы (дело было в Средней Азии) великий завоеватель потерял свой золотой шлем. Прошумели века, но шлем лежал спокойно, зарывшись в горячий каракумский песок и дожидаясь своего часа, чтобы породить цепную реакцию необыкновенных приключений «джентльменов удачи», изображенных в одноименной кинокомедии.

Фильм этот — об удивительных похождениях человека, как выяснилось, занимающего весьма опасную должность заведующего детским садом. Его поиски и находки, которым посвящен фильм, относятся не только к злополучному золотому шлему, но и к спасению преступивших закон людей. В фильме, определенном его создателями как «нелирическая комедия», представлен детективный жанр: дерзкие ограбления, захватывающие погони, рискованные переодевания...

В общем, зритель найдет много интересного и полезного в новой работе киностудии «Мосфильм». Картину поставил режиссер А. Серый, а сценарий создали Г. Данелия и В. Токарева. В фильме заняты популярные артисты: Е. Леонов, Г. Вицин, А. Папанов, С. Крамаров, Э. Гарин, О. Видов, Н. Фатеева... Если вы еще не посмотрели фильм — в добрый путь!

— Вот так мы удобрения разбрасываем...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

К.

ВИЛЫ В БОК!

СТОЯЛ ДЕКАБРЬ УЖ У ДВОРА...

— Ну и что? — сказал бы Жан-Жак Руссо, который цивилизацию презирал и тащил современников назад, к милой патриархальности.— Долой центральное отопление, а печное пусть здравствует! Да восторжествует все естественное!

— Но ведь вы не знаете, Жан-Жак, что такое гортоп,— ответила бы Татьяна Васильевна Журавкова, жительница Смоленска и наша современница. Преклонный возраст давал ей право на некоторую фамильярность.

— Ладно, я не знаком с Гор-Топом,— сказал бы Руссо, несколько уязвленный.— Но я знал Дидро, сколько раз он приходил ко мне в гости!

— Гортоп не приходит ко мне,— вздохнула бы Татьяна Васильевна, современница.— Я сама хожу к нему... Простите, в него. Особенно весной. Мне, понимаете, нужен уголь.

— Как, однако, изменился климат! В мое время уголь требовался зимою. Весна же, если мне не изменяет память, характеризовалась ландышами.

— И у нас тоже, Жан-Жак. Но у нас весной еще заботы о топливе. Гортоп открывает очередь на уголь. В прошлом году, помнится, я записалась в апреле.

— Гор-Топ,— проворчал мыслитель.— Он, однако, весьма дальновиден у вас. Между прочим, у Дидро не было этого качества.

— Мне обещали привезти уголь осенью. В октябре пошел снег, а угля все не было. В ноябре у меня кончились газеты, которыми я топила печь. В декабре я согревалась собственным теплом...

— Прекрасно! — пробормотал Руссо.

— Потом наконец я получила открытку, что шестнадцатого декабря могу явиться за углем на склад № 1 со своим транспортом.

— Да! — сочувственно сказал философ.— Я очень понимаю вас. Дидро тоже подкладывал мне свинью. Мы здорово разошлись с ним в последнее время, доложу я вам. Но это между нами. Гор-Топ... Видите, я все же прав: на цивилизацию нельзя положиться. Вот вам мой совет: добывайте уголь собственноручно. Да восторжествует все естественное!

Жан-Жак был великим человеком.

С. ЛОБНЯ

Наломал дров

И на Тихом Доне зима установилась точно по календарю. Однако с приходом ее у председателя завкома миллеровского завода «Сельмаш», Ростовской области, Василия Герасимовича Кухтина появилась уйма забот.

В завком косяком идут рабочие, у которых есть собственное жилье, а следовательно, есть персональные печи и персональные трубы, но нет персонального угля.

— А вы член профсоюза?—спрашивает В. Кухтин у посетителя.— Ах, нет? Тогда и топлива для вас нет.

— А как же быть? — изумляется проситель.— Не могу я жить в неотапливаемом доме.

— Если быстро вступите в члены профсоюза,— поясняет председатель,— то быстро получите. А не желаете, приобретайте топливо самостоятельно. Следующий!

Надо сказать, что подобные разговоры ведутся в завкоме не так часто, ибо на заводе не более десятка рабочих, не успевших вступить в члены профсоюза. Однако, распределяя топливо, председатель завкома мастерски создает конфликты даже со старыми рабочими, давнишними членами профсоюза.

— Тоже насчет топлива,— говорит мастер второго цеха Николай Дмитриевич Ермашов.— Я-то в профсоюзе давно.

— Предъявите профбилет,— не теряется В. Кухтин.

— А зачем? — изумляется мастер.— Я же за топливом зашел. Каких-нибудь дров выдайте. Да и нет у меня с собой профбилета.

— У вас нет профсоюзного билета, у нас нет дров,— качает головой председатель завкома и отворачивается.

Как известно, снабжение топливом — дело хозяйственников и снабженцев. Но вот за это дело по своей доброй воле взялся завком. В лице председателя тов. В. Кухтина. Взялся, как видите, бойко, с огоньком. И наломал дров.

И. СТОЛЯРОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Печатая эти «зимние» заметки, Крокодил надеется, что выводы из них сделают для себя не только те, кто отвечает за снабжение населения топливом в Смоленске и Миллерове. Ведь, насколько нам известно, следующую зиму никто пока не отменял...

Двухведомственный ток

Минэнерго и Министерство связи, можно сказать, породнившиеся организации. Нередко одни и те же столбы несут в бескрайние дали электрические и радиотрансляционные линии, а пернатые с одинаковым удовольствием раскачиваются на проводах обоих ведомств. Больше того — в знак особой расположенности друг к другу заместители министров дружественных организаций составили общее письмо, призвав своих подчиненных жить в добром согласии. И, как мы увидим, этот призыв был не случаен.

Город Ржев — четыре часа езды от столицы. В отличие от пернатых местные энергетики и связисты держатся, так сказать, каждый своего провода. Ибо свой провод ближе к телу. В узковедомственном понимании.

Не так давно здешние молодцы из СМУ «Сельэлектросетьстрой», что относится к Минэнерго, дружно выкорчевали устаревшие столбы. Пострадал Ржевский узел связи. Его провода, поваленные заодно с проводами Минэнерго, уже не пропускали местной радиоинформации.

Возник вопрос: кому ремонтировать? Заглянули в совместное письмо. Оно, несмотря на дружеский характер, породило разночтения. С одной стороны, в письме разъяснялось, что все повреждения, допущенные во время ремонтных работ, должны быть немедленно устранены виновниками этих повреждений. То есть в данном случае — представителями Минэнерго. С другой стороны, оно рекомендовало заниматься ремонтом также и организациям Министерства связи.

Увы, жизнь этих разночтений не устраняла. Министерство связи при всем своем стремлении жить в мире с Минэнерго не включило в план Ржевскому узлу связи восстановительные работы, а Минэнерго в лице заместителя начальника «Главсельэлектросетьстроя» товарища Катукова при всей своей расположенности к связистам держится принципа: «Чей провод, тот и ремонтирует».

Так чем же прикажете руководствоваться ржевским связистам и энергетикам?

Э. ИВАНОВ

Вакса-антимоль

В городе Уссурийске, пишет нам читатель Ю. Орехов, не найдешь черного крема для обуви. Есть в магазинах красный, коричневый, синий и даже зеленый, которым очень сподручно начищать до блеска фикусные листья, а вот самого простого, черного, нет.

Тов. Орехов согласен чистить ботинки по-дедовски — колесной мазью, но из-за величавой поступи технического прогресса лишен и этой радости: гужевой транспорт, пишет он, у нас начисто перевелся.

В общем, жители Уссурийска, носящие черную обувь, серчают и волнуются.

А зря. Еще неизвестно, что лучше: смазывать башмаки, допустим, черной тушью или же ваксой Чернореченского химкомбината (г. Дзержинск, Горьковской области). Вон гражданин Носов С. М. из г. Горького приобрел эту ваксу, так до сих пор не знает, куда от нее деваться.

Начать с того, что вакса эта имеет поразительное свойство: не наводить глянца. Чем больше вы драите бархаткой обувь, тем более матовой она становится. Но это бы еще полбеды. Когда Сергей Михайлович, почистив ботинки первый раз, оставил щетку и баночку с ваксой в прихожей, то в квартире запахло химией пронзительнее, чем на самом Чернореченском химкомбинате.

Пришлось спровадить ваксу подальше от органов обоняния — в чуланчик. А из чуланчика сквозь дверные щели вдруг стала панически выпархивать моль. Тоже, стало быть, не выдержала.

Теперь перед гр-ном Носовым стоит проблема: куда бы подальше выкинуть ваксу! Можно, конечно, в Волгу, но есть опасность повального замора рыбы. А за это по головке не погладят.

Так что уссурийцам не стоит скорбеть насчет отсутствия ваксы. Может, наоборот, радоваться этому надо...

В. АЛЕКСАНДРОВ

Утраченные иллюзии

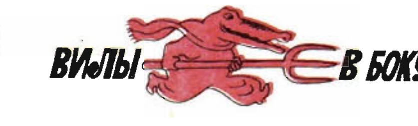
У гражданки Н. Маракулиной, проживающей в городе Казани, была мечта. Нет, это была не голубая мечта ее детства. Когда гражданка Маракулина была совсем юной, электрические утюги продавались вполне свободно. Но сейчас их почему-то не стало. И начала она мечтать:

— Куплю я себе утюг... Надоело эту чугунную чушку на газе подогревать.

И вот идет она как-то с работы мимо универмага и видит: стоит очередь. Тут у нее и сердце ёкнуло: никак утюги дают? Записалась в очередь и через четыре с половиной часа увидела на прилавке чудо современного быта — блестящий, легкий утюг с переключателем производства Лысьвенского турбогенераторного завода.

Пришла она с покупкой домой, достала самую лучшую капроновую кофточку и перевела на утюге переключатель на отметку «капрон». Гражданка Маракулина нежно погладила утюгом по кофточке. Утюг и кофточка от такого деликатного прикосновения намертво прилипли друг к другу. И только после этого потрясенная гражданка Маракулина осознала, насколько надежна конструкция ее старого чугунного утюга, который она подогревала на газе.

О. АРТЫНСКИЙ

Город на Каме

(со стр. 2)

немного больше. Этот Труба своими капитальными знаниями довел нас до того, что мы вынуждены были не спать целыми ночами и трудиться в поте лица над репортажем, ибо без дела, только слушая Трубу, можно было тихо свихнуться.

Репортаж очень нравился мне. Он был всеобъемлющ, набит цифрами и содержал даже один график, похищенный со стола у Трубы в его отсутствие. Этот репортаж и не мог состоять не из цифр, потому что мы жили в мире цифр.

— Где?
— Да вот же! Вот!

В это время с Камы прилетел особенно сильный порыв ветра, и нас вместе со снежным зарядом понесло мимо стеклянного куба, неправдоподобно сияющего неоновым светом среди тьмы, хаоса развороченной земли и кранов, ощупывающих землю огромными без ресниц глазами.

Совсем рядом через стекло виднелись тропические цветы и ходили люди в черных костюмах при бакенбардах. После длинной дороги в автобусе по белым полям, бьющим себя лисьими хвостамн поземки, картина была настолько неправдоподобной, что мы некоторое время постояли, прижавшись носами к стеклу и разглядывая людей, сновавших в вечерних костюмах среди тропических цветов.

Час был поздний, мы не рассчитывали никого застать в горкоме партии, кроме дежурного, и вот вдруг такая картина...

— Слет молодых строителей,— будничным голосом объяснил нам заведующий отделом пропаганды горкома Фаррахов Тофкиль Газизьянович и тут же, едва пожав руку, привычно начал: — Между прочим, средний возраст камазовцев 23 года. Сейчас у нас пятьдесят три тысячи строителей, из них тридцать тысяч молодежи. 70 национальностей. Достаточно пойти, например, в столовую, чтобы убедиться в этом. У наших ребят принято писать, кто откуда. Так что, постояв в очереди, смело можете составить список городов страны. Население города — 100 тысяч человек. Первый автомобиль мы обязались дать в 1974 году... Впрочем, вы, наверное, устали с дороги. Завтра увидимся.

— Часиков в десять?

— Что вы! У нас на стройке в это время уже перерыв. Приходите в полвосьмого. Может, кого и застанете...

(Из едва не сгоревшего репортажа с цифрами)

КАКАЯ СМЕСЬ ОДЕЖД И ЛИЦ...

Репортаж лежал у меня в кармане, билет на самолет тоже, и я зашел в столовую имени Стеньки Разина, чтобы отметить эти два события кружкой пива, слухи о котором уже ходили по городу несколько дней.

Собственно говоря, официально столовая не носила имени Стеньки Разина. Она не имела даже номера. За ненадобностью, ибо дни ее все равно были сочтены. Новый город, возникший на горизонте, в чистом поле, прорывался к Каме многоэтажными громадинами, сметая на своем пути кривые улочки, деревянные покосившиеся домики, приземистые, словно вцепившиеся в землю в дурном предчувствии, бывшие купеческие лабазы.

Имя Стеньки Разина столовой присвоили командированные, пораженные ветхостью здания, проседающими половицами, допотопной печкой и окнами-бойницами. Так и казалось, из столовой вырвется грозное «Сарынь на кичку!».

Но в столовой было мирно и тихо. Потрескивали в печке дрова, капала с сосулек, свисавших с потолка в сенях, вода, и парни во внушительной форме с эмблемой «Строитель КамАЗа» проникновенно упрашивали буфетчицу налить им пива хоть во что-нибудь. Но налить было не во что.

Я сел за столик и загрустил. Напротив меня парень с едва наметившимися бакенбардами блаженно тянул пиво из трехлитровой банки. О трехлитровая банка! Как я в течение всей командировки завидовал людям, имеющим ее! Трехлитровая банка — максимум сервиса! Отстояв на морозе два часа, можно наполнить ее пивом и братски делиться с друзьями. Можно налить горячего чая и смело идти на свидание хоть в поселок «Молодежный», и тебе не страшна никакая пурга. Или набить банку в столовой № 1 перловой кашей с котлетами и потом питаться дома, начихав на фантастические очереди в точках общепита.

В коридоре управления стройкой мы столкнулись с веселым человеком, который почти бежал. За ним по пятам гнались некие двое в лохматых шапках, со свирепыми лицами, похожие на басмачей.

— Коллекторы...— хрипел один.

— Нелнквидные фонды! — забивал его басом другой.

Мы загородили дорогу веселому человеку:

— Из редакции...

— В январе работало,— не задумываясь, сказал человек,— 224 экскаватора, 268 бульдозеров, 157 скреперов, 315 башенных и стрелковых кранов, 2 321 автомобиль. Данные самые точные и свежие. Не сомневайтесь! — Человек подмигнул веселым глазом и убежал вместе с наседающими «басмачами», а в прокуренном коридоре, словно застряв в дыму, осталось:

— Коллекторы...

— Неликвидные фонды!

(Из едва не сгоревшего репортажа с цифрами)

— Хочешь?

Сидевший напротив парень протянул банку. Я с благодарностью принял ее, темную, пенистую, холодную.

— Не узнал? Мы с тобой летели в самолете.

Я сразу вспомнил его. Это же мой старый знакомый Петро-ракетчик! Только тогда у него не было бакенбард. Две недели назад мы с ним летели в самолете Москва — Набережные Челны. Он сидел сзади меня, рядом с молоденькой девчушкой, и пытался понравиться ей при помощи юмора. В жизни не слыхал таких мрачных шуток.

— Мотор забарахлил,— острил парень.— Не дотянем, врежемся. Точно говорю. Я служил в ракетных частях и знаю, что к чему.

— Товарищи пассажиры! Кто сходит в Казани? Никто? Все летят в Набережные Челны?

— Все...

(Над Казанью)

Девчушка липла к окошку и не очень естественно взвизгивала.

— Еду строить КамАЗ и семью,— продолжал парень, прибегая к недозволенному приему.— Если не разобьемся при посадке, конечно.

— Уважаемые пассажиры! Прошу не курить и пристегнуть ремни. Наш самолет пошел на посадку.

Тихий разговор впереди:

— Что там внизу?

— Электросварка.

— Как огни зениток...

(Над Набережными Челнами)

Мы не разбились при посадке, и на следующий день я встретил его в кинотеатре «Чулпан» после все той же «Короны Российской империи», которую за сутки судьба навязывала нам уже второй раз. Петро-ракетчик, растопырив локти, как противотанковые ежи, защищал свою девчонку от толкотни уже с уверенностью собственника. Парни с повязками дружинников яростно пытались навести порядок.

— Строим КамАЗ? — спросил я его.

— Ну! — узнал он меня.

— И семью?

— Ну!

— Вы видели хоть одного милиционера?

— Видел. В гостинице. Правда, это были в основном полковники. А вообще-то... В самом деле... Может быть, их сюда забыли прислать?

— У нас каждый сам себе милиционер.

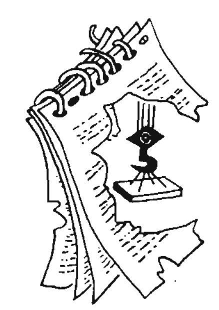
(В комитете комсомола)

Репортаж обжигал мне карман. Какая удача! Ведь представляется случай, чтобы его прокомментировал человек, прибывший вместе со мной и уже поработавший на стройке. Интересно сверить его впечатления со своими. И я прочел репортаж Петро-ракетчику.

— Плохо,— сказал ракетчик, не задумываясь.— Скучно. Одни цифры. Сразу видно, не вкалывал ты на морозе. Сразу бы чувство юмора появилось. Нет правды духа.

Нет правды духа... Ничего не может быть обиднее для журналиста... Я повернулся и бросил репортаж в печку. Петро выхватил обгоревшие листы.

— Я пошутил, чудак! Цифры — тоже стоящая вещь. И про то, как у тебя блокнот попал под бульдозер,— с юмором.

— Вон идет! Он самый и есть!

Грохот кранов. Удары машин, забивающих сваи. Скрежет бульдозеров. Огни электросварки. Спутанные кабели. Вся тянется до близкого от начинающейся пурги горизонта.

— Тарасенко Виктор Алексеевич. Извините, рука в бетоне. Сменный мастер участка буро-набивных свай. Как трудимся? Обыкновенно. При норме 10 свай забиваем 16. Вчера поставили рекорд — 18. А всего надо забить ...тысяч свай. Залить ...тысяч тонн бетона. Проложить ...тысяч километров труб...

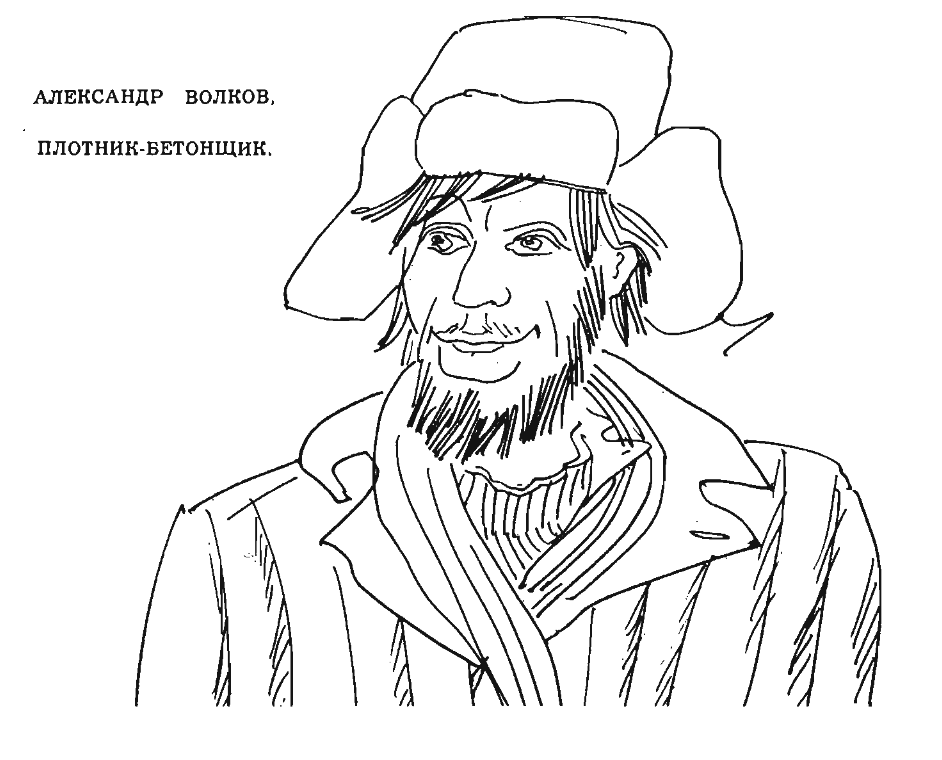
— Тикай! — закричал кто-то рядом.

Прямо на меня надвигался бульдозер, гоня перед собой огромный вал земли. Я рванул в сторону, но там как раз делал сложный маневр гигантский кран, волоча бетонные плиты.

Я нырнул в образовавшуюся щель, споткнулся, и мой бесценный блокнот, который каждый журналист бережет как зеницу ока, пока не напишет материал, полетел прямо под гусеницы бульдозера.

Пришлось отрывать его с трудом найденной лопатой.

(Из едва не сгоревшего репортажа с цифрами)

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ,
ПЛОТНИК-БЕТОНЩИК.

Мы вышли с Петро-ракетчиком из столовой имени Стеньки Разина. Вечерело. По узкой улочке, сотрясая здания до самого основания, шли тяжело груженные МАЗы. Нависая над ветхими, низкими домиками, проплывали новенькие современные автобусы. Вдали начинал зажигать редкие огни Новый город.

«...на каменной стене, повернутой к широкой улице, каменная голова красавицы. Длинная, стилизованная шея, ветер резко сбил в сторону ее волосы, ее цветной шарфик. Черные, по-татарски чуть косящие глаза. Красавица Чулпан, утренняя звезда. Роскошный кинотеатр «Чулпан»...»

(В. Росляков. Набережные Челны. «Новый мир», № 1, 1972 г.)

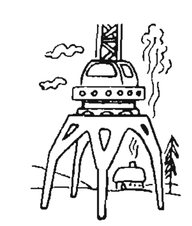
О каменная восточная красавица Чулпан! День и ночь смотришь ты в холодную, голую степь, где люди поднимают фантастические конструкции и светящиеся в ночи небоскребы. Ветер с Ледовитого океана выщербил твое нежное розовое лицо, выцветил аспидно-черные глаза, разорвал в клочья кисейный шарфик...

Ты не выдержала...

Девчата в степи выдержали.

(В лирическую минуту, когда юмористу не хочется острить)

— Снесут скоро все,— сказал Петро.— А я бы эту столовую оставил как музей. Челны бы в ней поставил, что предки делали. Хочешь сходить ко мне домой? Только далеко, через Каму.

Солнце. Мороз. На той стороне — домики с вертикальными палками дыма, как коты с поднятыми хвостами. Над дымами — гигантские шеи кранов, похожие на марсианские треноги из «Борьбы миров» Герберта Уэллса. Вереница людей с чемоданами на ледовой тропинке. Прорубь с воткнутой рядом елочкой, чтобы кто не упал. На той стороне, на автобусной остановке — таз, детская пластмассовая ванночка, возле двое: она беременная, он с бакенбардами и гитарой за спиной. Вмерзшие в лед баржи. На барже надпись через весь борт: «Я люблю тебя, Нина». Якорная оборванная цепь на барже качается, хотя воздух неподвижен. «Кама качает»,— пояснил Петро.

(Через Каму)

— Дом, в котором я живу,— сказал Петро-ракетчик.

Дом был железный и очень напоминал жилище полярников на льдине.

— При строительстве использованы самые последние достижения науки и техники,— сказал Петро, раскрывая не запертую по сибирским законам дверь.— Может, не хватает только лазерного луча. Но это даже к лучшему. Электричество надежнее.

Ничуть не жалея об отсутствии лазерного луча, мы воспользовались услугами электричества и успешно превратили замерзшее пиво в воду и частично в пар. И также, не прибегая к лазерному лучу, поджарили яичницу.

АНАТОЛИЙ КУЗЬМИН, МОНТАЖНИК.

Домашняя обстановка располагала к откровенности. Подсознательно я, наверное, стремился к ней, когда согласился идти в полярную хижину Петро. Я почувствовал, что наступила та минута, когда человек выдает самое сокровенное.

— Петро,— спросил я даже с некоторым волнением,— почему, когда ты летел в самолете, у тебя не было бакенбард, а сейчас они появились?

Я понимал сам, как странен и нелеп мой вопрос. Но тут я должен выдать еще одну тайну. Почти две недели лазил я по сооружениям, толкался среди строителей, присутствовал на различных умных заседаниях, даже один раз чуть не попал в президиум — вообще занимался очень серьезными и важными делами, но одна мысль не давала мне покоя. Я сознавал, что она ни в малейшей степени не имеет отношения к будущему репортажу, но ничего с собой поделать не мог. «Почему они почти все с бакенбардами?» — думал я. Грешным делом, среди прочих вопросов якобы так, в шутку, я спрашивал одного, другого, третьего парня, почему он завел себе бакенбарды, но все или ловко уходили в сторону, или отшучивались, и это еще больше разжигало мое любопытство.

— Бакенбарды? — Петро рассмеялся.— Я тебе скажу. Больше ничего на лице не растет из-за щенячьего возраста. А хочется быть солидным. Все-таки теперь я самостоятельный человек. Вот и отпускаю, как все здесь. Обрати внимание: все пацаны с баками.

Так вот оно в чем дело! Конечно же! Баки — признак самостоятельности! Дома они были юнцами, здесь — строители, а на лице, кроме баков, еще ничего не растет.

В этом интересном месте лампочка замигала и погасла. Видно, все-таки луч лазера был бы надежнее электричества.

— Я сейчас,— стал одеваться Петро.— Электриком мы еще не разбогатели, но я в этом деле петрю. Один раз по собственной инициативе усовершенствовал электросхему ракеты. Правда, потом выяснилось, что с моей схемой она улетела бы не дальше соседнего оврага...

Шуточка насчет ракеты, наверно, соответствовала действительности. Лампочка вдруг вспыхнула, как сверхновая звезда, и разлетелась вдребезги, осыпав меня осколками. Я отломил кусок покрытой инеем яичницы, выпил шуршащего льдом пива и вышел на улицу.

Петро-ракетчик стоял на крыше домика, окутанный проводами, как пришелец из других миров. Я помахал ему рукой и сказал, что мне пора домой и что по пути я постараюсь разыскать электрика.

— И все-таки! — закричал мне вслед Петро.— Несмотря на отдельные трудности, преодолевая их на ходу, КамАЗ мы построим и дадим первый автомобиль в 1974 году!

Поле! Кто тебя видел накрытым крышей! Гигантской крышей будущего гигантского цеха, под которой метет поземка, валяются ненужные теперь щиты для снегозадержания, и в уголке, возле бетонной опоры, шуршит чудом уцелевший пшеничный колосок...

(В лирнческую минуту, когда юмористу не хочется острить)

Взошла луна, и Кама неярко засияла кристаллами льда, похожая на громадное животное со вздыбленной фосфоресцирующей шерстью. Навстречу мне по темной, натоптанной тропинке по-прежнему шли и шли люди с чемоданами.

— Как пройти на 6/12? — спрашивали они.

— Сначала на 8/19, потом на 3/21, и будет 6/12,— отвечал я.

ЧЕЛОВЕК СТРОИТ КамАЗ. КамАЗ СТРОИТ ЧЕЛОВЕКА.

(Афоризм, пришедший в голову при взлете в аэропорту Набережных Челнов)

МОСКВА — НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ — ГОРОД ПОКА БЕЗ НАЗВАНИЯ — МОСКВА.

Людей с бакенбардами и без них рисовал
наш специальный корреспондент Владимир ШКАРБАН

Государственный секретарь США У. Роджерс заявил, что правительство Соединенных Штатов якобы «готово обсуждать мирные предложения Северного Вьетнама». Как сообщает газета «Нью-Йорк дейли ньюс», южновьетнамский «президент» Тхиеу выразил «недовольство» упомянутым заявлением Роджерса и поручил своему послу в Вашингтоне «потребовать разъяснений».

...Джек Бобс, голливудский режиссер, командированный с весьма важным поручением в Сайгон, легким пинком распахнул тяжелую дверь и шагнул в кабинет.

За огромным столом отчетливо виднелся господин Тхиеу, тот самый, которого иногда кличут президентом.

— Хелло,— сказал Джек Бобс.— Чем могу?..

— Доброе утро, сэр,— судорожно вздохнул мистер Тхиеу и робко показал на лист бумаги, лежащий в центре стола.— Вот, видите ли...

Режиссер Джек Бобс опустился в кресло и, пожевывая резинку, начал читать:

— «Инструкция президенту Южного Вьетнама мистеру Тхиеу. Сверхсекретно. Настоящим вам категорически предлагается публично возмутиться. Возмущение должно быть направлено по адресу Соединенных Штатов, дабы цивилизованное человечество всерьез подумало, будто Вашингтон и вправду мыслит о мире во Вьетнаме. Для реализации возмущения надлежит: а) нахмурить брови, б) твердо опереться верхними конечностями о край стола, в) повысить голос, одновременно придав ему зловещую хрипотцу, г) указанным голосом произнести разные решительные слова и фразы...»

— Вот видите,— неуверенно проговорил мистер Тхиеу, преданно заглядывая в бесцветные режиссерские глаза.— А у меня... как бы вам объяснить... Две недели бьюсь — не выходит... Трясусь и заикаюсь...

— Вижу,— оборвал режиссер.— Нет жизненной правды! Но уж если меня сюда пригласили, чтобы научить вас возмущаться, будьте уверены: Джек Бобс вас научит с одной репетиции! Для начала представьте, что вы ругаете не Америку, а скажем, жену своего родного дяди.

— А двоюродного можно?

— Валяйте двоюродного! Задача ясна?

— Ясна,— окрепшим голосом сказал мистер Тхиеу.

— Тогда приступим прямо по инструкции. Нахмурьте брови... Еще... Еще больше... Так... Теперь упритесь этими... как их.. передними конечностями в стол... Олл райт! Теперь открывайте рот и сыпьте все, что вы думаете о дядиной тете!

— Ах ты, негодная тетка! — крикнул мистер Тхиеу и бросил на Бобса вопросительный взгляд.

— Не вижу жизненной правды! — сказал режиссер.— Не верю. С тетками так не разговаривают. Где ярость, гнев, где гром в голосе и молнии в глазах? Надо злиться, беситься, кипятиться и стервенеть! Надо доходить до белого каления, рвать и метать! Давайте еще раз!

— Ах ты, мерзкая, отвратительная баба! — завопил мистер Тхиеу.— Ты наверняка связана с коммунистами! Да я тебя повешу!

— Стоп! — сказал Джек Бобс.— Неплохо. Но в данный момент не те слова. Старайтесь обходиться этим... как его... дипломатическим языком. Например, выразите решительный протест. Понятно? Начали!

— Я выражаю решительный протест! — крикнул мистер Тхиеу.— Я возмущен тобою, тетка!

— Дело идет,— сказал Джек Бобс, потирая руки.— Только не брызгайте слюной в мою сторону. А сейчас от тетки переходите к Америке.

— Прямо так, сразу?

— Да! — рявкнул режиссер.— Сразу! Начали!

— Я...— начал мистер Тхиеу, тот самый, которого иногда кличут президентом,— я... извините... выражаю, так сказать... решительный про... про... тест. Поверьте, я возмущен... возмущен я...

— Кем?! — гаркнул Джек Бобс.— Кем, черт побери?!

— Я возмущен Ам... Ам...

— Вы что, голодны?! — свирепея, зашипел режиссер.— Какой такой ам-ам, я вас спрашиваю!

Мистер Тхиеу опустился в кресло и закрыл глаза. Он удивительно отчетливо представил себе, как некое ответственное заокеанское лицо, получив протест, начинает обидно хохотать и затем передает его кому-то из подчиненных; как подчиненный, в свою очередь, заливается грубым, оскорбительным смехом и вертит бумажку, соображая, по какому назначению ее использовать; как, наконец, бумажка оказывается в руках клерка, который незадолго до этого лично писал для мистера Тхиеу инструкцию о необходимости возмутиться, чтобы ввести в заблуждение человечество, и как тот же клерк начинает писать другую инструкцию — о замене мистера Тхиеу новым президентом...

...Поздним вечером дверь президентского кабинета отворилась, и из нее выполз изможденный Джек Бобс. Глаза его блуждали.

— Безнадежный случай,— бормотал он.— Пусть эта каналья выражает недовольство как хочет...

А в кабинете сидел сведенный судорогой страха господин Тхиеу. Время от времени его нижняя челюсть отваливалась, и он тупо повторял:

— Ам... Ам...

САЙГОН. Местная полиция арестовала некоего Нгуен Янг Хана по обвинению в краже имущества с военного склада на сумму 35 тысяч долларов. Арестованный объяснил, что хотел выставить свою кандидатуру на парламентских выборах, но не имел средств на предвыборную кампанию.

ВАШИНГТОН. Нет худа без добра — к такому выводу пришли шефы американской полиции. Если с июля 1970 года до осени 1971 года было обнаружено и изъято 16,5 миллиона фальшивых долларов, то в последнее время у американской полиции хлопот с этим поубавилось — в связи с кризисом доллара фальшивомонетчики перешли на подделку более устойчивых валют.

НЬЮ-ЙОРК. Приговоренный судом к 18 годам тюрьмы за убийство, бывший чемпион США по боксу в весе мухи Бобби Ли Хантер все же собирается участвовать в мюнхенской олимпиаде. Его соседи по тюрьме «Маннинг Коррекшинал Институт» собирают деньги, чтобы оплатить стоимость дороги и пребывания в Мюнхене Хантеру и его тюремным надзирателям.

ЛОНДОН. Британская статистика выяснила, что каждый четвертый взрослый житель островов верит в духов и другие потусторонние существа, каждый пятый — во встречу с умершими и их душами. А 80 процентов британцев не могут начать трудовой день без того, чтобы не изучить свой гороскоп в газете или журнале.

Что ж, учитывая нынешнее шаткое состояние английской экономики, их можно понять.

ПАРИЖ. Французский студент Жан Лувио проделал следующий эксперимент: он совершил поездку по нескольким странам Западной Европы с паспортом, где вместо его фото был приклеен портрет пса породы «спаниель». Когда об этом стало известно, пограничники оправдывались: «Кто при нынешних прическах молодежи сможет отличить собаку от ее хозяина?!»

МАЙАМИ (Флорида). Здесь демонстрировались наимоднейшие купальные костюмы типа бикини, обе части которых «сшиты» из долларовых банкнот, подвергнутых специальной химической обработке, чтобы они не промокали и не рвались. Костюмы рассчитаны на различную платежеспособность покупательниц: они изготовлены из банкнот однодолларового, двадцатидолларового и даже пятидесятидолларового достоинства.

Это, пожалуй, единственный в наше время случай, когда доллары держатся на поверхности, а не идут ко дну.

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

— Занавес!!!

Рисунок Бориса ЛЕО

Я. РЫСАКОВ

УЖАЛЕННЫЙ ПЕНТАГОН

Недавно бельгийский журнал «Пуркуа па?» поместил статью о том, что американцы во Вьетнаме воюют уже почти что без людей, а при помощи кибернетики, автоматики и электроники. И когда, дескать, Пентагон вывезет оттуда всех своих парней, то оставит там исключительно технику, чтобы она сама добивалась победного конца войны.

Конечно, эта война Америке уже, как говорится, печенки проела. Она вызывает у американцев отрицательные эмоции. Тем более из Вьетнама столько свежих гробов вывозят, что каждому солдату при виде такой загруженности корабельных трюмов становится не по себе, и он, полуживой, погружается в мрачную пучину рассуждений о смысле жизни.

Вот в Пентагоне и берут курс на машины и механизмы. Хотят наладить такое производство смерти, какое описано исключительно в фантастических романах.

Они торопливо придумывают бомбы и мины прыгающие, скачущие, проникающие, догоняющие, самозакапывающиеся, самовозникающие, управляемые лазерным лучом и еще черт знает какие. Задыхаясь от спешки, они клепают, монтируют и закапывают в джунглях особые устройства, которые регистрируют звуки, передвижения, изменения температуры и даже запахи людей, находящихся поблизости. Эти сигналы передаются на специальные летающие станции, на беспилотные самолеты, а оттуда — на другие машины, и те машины сами знают, куда им идти, лететь, скакать, ползти, стрелять, прорываться и углубляться.

В статье бельгийского журнала, где мы вычитали про автоматизированную электронную войну, между прочим, говорится: «Однако это не помешало коммунистическим силам организовать мощное наступление, несмотря на фантастические средства, используемые Соединенными Штатами. Почему? Ответ на этот вопрос очень прост, но пентагоновские стратеги, несомненно, не подумали о нем, занятые своей войной. Дело в том, что борьба между человеком и бездушной машиной — неравная борьба: проигрывает машина».

Но, слава богу, там у них в Пентагоне не только генералы суетятся, но и разные цивильные лица с общеобразовательными навыками. Ну, скажем, психологи, медики, физиономисты и другие химики. И вот пока генералы занимаются планированием окончательной победы над вьетнамским народом, цивильные лица все же нет-нет да и спросят друг друга в коридоре:

— Почему это все же вьетнамцы колошматят нашу кибернетику? Почему они все увеличивают сопротивление и наращивают эскалацию мебельного производства для американских покойников? Нет ли тут какого коммунистического подвоха с их стороны, который не поддается кибернетическим наблюдениям?

И вот недавно итальянские газеты сообщили, что штатские эти шушукались, шушукались и наконец уразумели, что к чему.

Оказывается, причиной побед вьетнамцев над Пентагоном являются пчелы. Но не простые, а дрессированные. Оказывается, вьетнамские коммунисты организовали специальные курсы по переподготовке пчел, где этих полезных насекомых учат жалить исключительно американцев и больше никого. И на этих курсах пчелы изучают, в какое стратегическое или тактическое место кусать, чтобы сильнее расстроить американские планы.

Вот что пишет римская газета «Темпо»: «Недавно целый рой таких пчел напал на американский патруль, которому удалось организовать прекрасную засаду против вьетконговцев. Солдаты, которые уже заранее торжествовали победу, были обращены в бегство разъяренными пчелами».

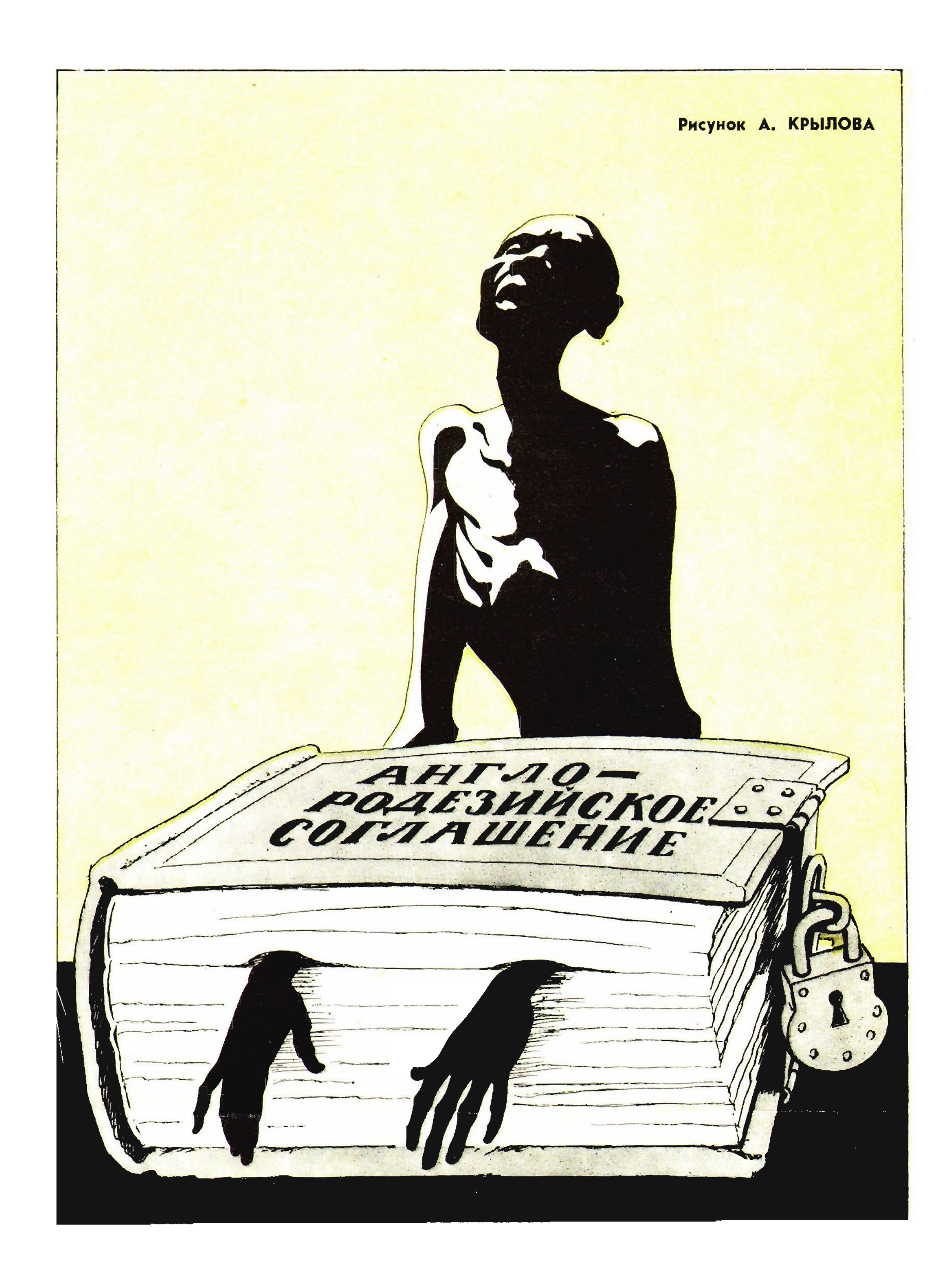
Отсюда любой кибернетик и фантаст должен сделать вывод:

— Прежде чем торжествовать победу, погляди, все ли места у тебя прикрыты на случай глобального укуса.

Говорят, в Пентагоне уже сидит специальная комиссия, которая называется «Антипчелы-72». И изобретает такой луч, чтобы на лету отрезать у пчелы то самое место, откуда у нее растет жало.

Но мы, не будучи специалистами, думаем, что напрасно в Пентагоне оправдываются пчелиным роем. Не пчелы, а ненависть к захватчикам, та самая святая человечья ненависть, которую в Пентагоне не берут в расчет, жалит и испепеляет американскую стратегию. И никакая электронная техника тут не поможет.

Рисунок А. КРЫЛОВА

Ник. ЭНТЕЛИС

Стриптиз в лошадиной дозе

Полузабытая голливудская кинозвезда Джейн Флер решила напомнить о себе: она проехала по улицам Сан-Франциско на лошади... в чем мать родила.

С улыбкой кинокоролевы
(Кто наг, тот благ)
Гарцует Джейн в костюме Евы
Среди зевак.

Звезде фортуна изменила,
И ясным днем
Свершает бывшее светило
Свой ход конем.

Дивится зритель... Это странно:
Ему не раз
Табун раздетых див экрана
Мозолил глаз.

Так в чем же дело!
Где разгадка!
Смекнет любой:
Всех ошарашила... лошадка,
А не «ковбой»!

Андрей ВНУКОВ

ПЛАТА ЗА СТРАХ

Английское правительство повысило жалованье министрам, что вместе с прочими предоставляемыми министрам льготами почти удвоит их нынешний доход.

За что министрам Англии дается
Надбавка, если это не секрет!
Дается им за вредность производства:
За весь производимый ими вред.

К надбавке причитается министрам
Доплата за сговорчивость, когда
Идут навстречу смитовским расистам
Достойные расистов господа.

Министрам полагаются и льготы.
Понятна стала цель подобных льгот,
Когда в упор ирландских патриотов
Расстреливал английский пулемет...

Им платят за сегодняшнюю подлость,
Авансом — за последующий крах,
Достаточно продать министру совесть,
Как тут же получает он за страх!

Э. ПОЛЯНСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ЛЮБОВЬ НА СБЕРКНИЖКЕ

— Любовь, выражаясь языком судебных протоколов,— это совместное ведение хозяйства,— говорил своей третьей жене Иван Григорьевич Бородай.— А развод — не что иное, как раздел материальных ценностей, нажитых в процессе любви.

И взор его, взор опытного и неугомонного истца, при этом инвентаризовал имущество, приобретенное совместно с потенциальной ответчицей.

Любовь и впрямь коварный предмет. С одной стороны, она, так сказать, лишена заземления, с другой — толкает индивидов на путь приобретений. Полированными шеренгами выстраиваются вдоль стен вместительные шифоньеры, тумбочки для постельного белья, серванты. Их утрамбовывают одеждой, подушками, нержавеющими ножами. Окном в мир о двенадцати каналах прикрывают красный угол, люстрой о пяти рожках — серединку потолка.

И хорошо, когда все хорошо. То есть даже приятно наблюдать, как те или иные супруги совместно ведут хозяйство: пользуются одними шифоньерами, одеялами, кастрюлями, телевизионными каналами. Радостно за тех, чье проживание на общей жилплощади озаряется одной и той же пятирожковой люстрой.

У Ивана Григорьевича вышло иначе.

К своей второй жене, Валентине Ивановне, он, по собственному признанию, питал чувства благодарного клиента, отождествляя ее с комбинатом бытового обслуживания. Правда, благодарностей жене он за неимением книги отзывов не писал. Но и не жаловался на нее. Тем более, что Валентина Ивановна воспитывала с малых лет его сына от первого брака.

И захотелось Ивану Григорьевичу перенести совместное проживание в новые стены. Стал он собирать деньги на сберкнижку для строительства рядом со старым домовладением нового. Но замечает, что деньги собираются с большим скрипом и повинна в том жена, Валентина Ивановна. Не оказалось у нее таланта к экономной жизни, способности к накопительству. Только фундамент и удалось поставить. А также приобрести кое-какие материалы.

— Трудно жить с человеком твердолобым, если он не хочет поставить свой характер в одну колею жизни,— письменно заявил Иван Григорьевич и подал на развод.

Их развели, и Бородай приступил к совместному ведению хозяйства на жилплощади третьей жены. Сын Саша осудил поступок отца и остался с Валентиной Ивановной, которую любит и почитает, как мать.

С третьей женой Бородаю повезло: ее характер сразу же попал в желаемую для Ивана Григорьевича колею жизни. Двигаясь этой колеей, они быстренько скопили три тысячи рублей. Но к этому времени барак, в котором чета проживала, снесли, и они переехали в новую квартиру. И хотя надобность в строительстве дома отпала, сколачивание капитальца продолжалось. Ибо сумма на сберкнижке уже символизировала для Ивана Григорьевича состояние любви. Больше денег — крепче любовь.

А между тем деньги, вложенные в предыдущий брак, прозябали в движимом и недвижимом имуществе, подвергаемом воздействию времени. Пока не поздно, Иван Григорьевич решил перекачать их на сберкнижку.

В исковом заявлении, назвав свою бывшую супругу ответчицей, он привел длинный список совместно нажитого: телевизор, ковер, набор нержавеющих вилок, ножей и ложек, подушки пуховые, кастрюли, ведра алюминиевые, одеяла ватное и шерстяное, термос с двумя колбами, насосы и опрыскиватель со шлангами и др.

В судебном заседании он, выказав незаурядную память, дополнил: сатина — 6 м, ситца красного — 5,5 м, ситца голубого — 6 м, шотландки — 2 м, декоративной ткани — 2,5 м, полотенца — 3 шт.

Отсудил-таки часть движимого: ковер, ведро, насосы со шлангами. Ткани ни одного метра не вернул. Выдернуть подушку из-под головы ответчицы также не удалось.

Лишил ее сна вторым иском — на недвижимое и стройматериалы. К иску приложил смету на 19 листах («Взыскать половину из 38 рублей, мною затраченных на подготовку и составление сметы»). В смете подведена база под каждую копейку. Стоимость курятника, например, складывается из восьми пунктов, уборной — из девяти. И, конечно, Октябрьский райсуд, где проходило разбирательство, с большой точностью определил долю истца и вынес решение взыскать с ответчицы 1 238 рублей.

А как же вы думали, суд учитывает только денежные документы. А что, спрашивается, может представить суду ответчица? Смету своих нелегких домашних хлопот? Или квитанцию о том, что она заменила мать сыну истца и воспитывала его с годовалого возраста? Но все это делалось по любви и по зову сердца. А это, извините, к делу не подошьешь. И где, скажите, взять такую шкалу, чтобы перевести моральные потери ответчицы в материальные?

Такой шкалы не существует.

Потому-то на сберкнижке Ивана Григорьевича Бородая скоро воссоединятся суммы, нажитые в процессе совместного ведения двух хозяйств с двумя супругами.

Юридически бессильные, мы можем только внести с профилактической целью проект неоновой рекламы:

«Граждане! Во избежание морального уродства храните в сберкассах только деньги! Любовь храните в сердце!»

Но воздействует ли этот призыв на Ивана Григорьевича Бородая? Ведь если приложить ухо к его груди, услышишь только один звук — шелест сберегательной книжки...

г. Краснодар.

— Разопьем здесь. Сюда давно никто не ходит.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Мкртыч КОРЮН

НАХОДЧИВЫЙ РЫБОЛОВ

Вот байка про рыбацкую смекалку:
С приятелем Ашот собрался на рыбалку.
Припасены им удочки, мотыль...
Ну, и... сорокаградусной бутыль.
— Зачем пол-литру взял!
Мне непонятно что-то,—
Дотошливо жена спросила у Ашота.—
Сразит тебя спиртное наповал:
Глоток, другой — и носом заклевал.
— О, куцый женский ум! —
Вскричал Ашот сердито.—
А вдруг у карася не будет аппетита!
Я — стопочку ему. И он наверняка
Попросит на закуску червяка.

РЕШИЛ ПРОБЛЕМУ...

Сюжет с крыловской басней одинаков:
В почтенном тресте, где дымился план,
Впряглись в работу Лебедев и Раков,
А также третий — некто Щуканян.
Полгода всем троим идет зарплата.
А результаты!
Нет их, вот беда.
Один-то тянет вроде бы туда,
Но двое — явно в стороны куда-то.
Задумался начальник учрежденья
И к вечеру приказом ясность внес:
Везти отныне Лебедеву воз!
А остальных подвел под сокращенье.
Мораль: коли не глуп директор треста,
Найдет он способ
Дело сдвинуть с места.

Перевод с армянского Бориса ГАЙКОВИЧА

— А мой уже помогает мне по хозяйству...

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Переключи на вторую.

Рисунок В. РОЗАНЦЕВА

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— Скажите, пожалуйста, это вы в своей статье писали, что вегетарианцы дольше живут?

Рисунок Д. БЕЗУГЛОВА

Производственная гимнастика.

Рисунок В. СПЕЛЬНИКОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ОБЕДОВ ВНЕ ОЧЕРЕДИ ВСЕМ СОТРУДНИКАМ ЗАВОДОУПРАВЛЕНИЯ ИМЕТЬ НАГРУДНЫЙ ЗНАК «Я КОНТОРСКИЙ»

администрация и завком завода
администрация столовой

Завод нерудных строительных материалов, г. Мурманск.

Прислал Ю. Лабодин.

Гастроном

Яблоки свежие загнившие
1 кг
0 р 10 к

«Гастроном» № 33, г. Свердловск.

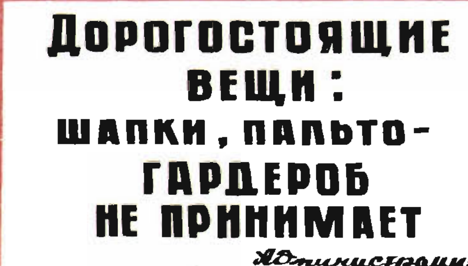
Прислал Р. Подоль.

СЕСТРОРЕЦКИЙ СПОРТИВНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КЛУБ ДОСААФ
объявляет набор на вечерние курсы
«ПРАКТИКУМ ПО РЕМОНТУ ТЕЛЕВИЗОРОВ»,
РАДИОТЕЛЕГРАФИСТОВ,
РУКОВОДИТЕЛЕЙ-ЛЮБИТЕЛЕЙ.
Начало занятий — январь 1972 г.

Газета «Ленинградская здравница», г. Зеленогорск.

Фото Э. Старостова, г. Ереван.

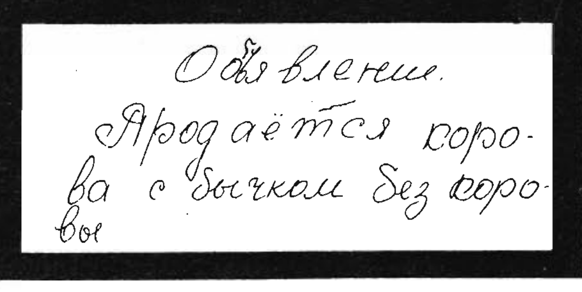

Дом культуры железнодорожников, г. Краснодар.

Прислал В. Панкратов.

Фото В. Чувахова, г. Мичуринск.

Прислали супруги Колесниковы, Магаданская обл.

Владлен БАХНОВ

Рассказ

Трансцендентная история

Как-то поздно ночью у нас в компании зашел интересный разговор. Погасив верхний свет, мы уютно расположились у декоративного камина, в котором лежали искусственные березовые дрова и горел настоящий электрический рефлектор. За окном хлестал дождь, тревожно шумели деревья и яростно завывал магнитофон у соседей.

Мы говорили о телепатах и ясновидении, говорили о не поддающихся научному объяснению фактах и таинственных явлениях — словом, говорили о загадочном, трансцендентном...

Кандидат технических наук Нейтронченко рассказал, как однажды его знакомый гомеопат проснулся от страшных болей. Он никак не мог понять, что именно у него болит. Бызвали «Скорую помощь», но боли внезапно прекратились, и гомеопат уснул. А вскоре выяснилось, что в ту же самую ночь, в то же самое время у его сестры-близняшки в Сухуми были роды. Понятно?

Мы выслушали эту историю и согласились, что такое поразительное совпадение нельзя объяснить простой случайностью.

— Да, много необъяснимого есть пока в мире,— сказал Виктор Павлович, рыхлый лысеющий блондин, который в профиль был очень похож на одного известного киноартиста, а в фас — на другого.— Очень много. И хоть я дал себе слово никогда не рассказывать о той загадочной истории, которая случилась со мной, настолько она необъяснима и неправдоподобна,— вам я ее все-таки расскажу...

— Замечательно! — воскликнула восторженная хозяйка дома.

Виктор Павлович придвинулся к камину, отхлебнул безалкогольного пунша и пососал трубку. Привычка сосать пустую трубку появилась у него с тех пор, как он бросил курить...

— Все началось три месяца назад. У меня дома раздался телефонный звонок. Какая-то женщина спрашивала Николая Федотовича.

— Вы ошиблись номером,— сказал я,— здесь таких нет.

Женщина извинилась. Но спустя минуту снова раздался звонок, и та же самая женщина снова попросила Николая Федотовича.

— Скажите, пожалуйста, по какому телефону вы звоните? — спросил я.

Как ни странно, незнакомка назвала номер моего телефона.

— Тут какая-то ошибка. В этой квартире Николай Федотович не проживает.

— Интересно,— сказала незнакомка,— я только вчера разговаривала с ним по этому телефону. Может быть, он куда-нибудь уехал?

— Может быть. Но этот телефон у меня уже десять лет, и Николай Федотович никогда здесь не жил.

— Интересно! — многозначительно повторила незнакомка. Затем в течение вечера телефон звонил еще несколько раз, а когда я снимал трубку, в ней слышались только неясные шорохи и вздохи.

Но что еще более странно, на следующий день Николая Федотовича требовали две другие женщины. Первая, обладательница высокого истеричного голоса, быстро сдалась, а вторая — у нее был голос исполнительницы цыганских романсов — настойчиво звонила раз пять и в конце концов сказала:

— Ну вот что, Николай, если ты к Нинке переметнулся, а со мной разговаривать не хочешь, так прямо и скажи, нечего играть в жмурки. Что я твой голос узнать не могу, что ли? Я всегда считала тебя подлецом, но не знала, что ты подлец до такой степени!

Как видите, еще одна случайность: даже голос у меня оказался такой же, как у таинственного Николая Федотовича.

Но самое необъяснимое началось потом. В воскресенье телефон разбудил нас в половине седьмого.

— Здорово, Коля! — услышал я бодрый прокуренный баритон.— Ты не спишь?

— В чем дело? Что случилось? — хрипло спросил я, еще не окончательно проснувшись.

— Помнишь, я тебе в трудный момент деньжат одалживал, так вот...

— Ничего вы мне не одалживали! — сердито перебил я.

— Как не одалживал? — удивился баритон.— Ты что, вчера с вечера перебрал, что ли? То-то у тебя голос хриплый. Ну, ладно, иди проспись, я тебе позже звякну.

— Прекратите ваши звяканья. Нет здесь никаких Коль! Понятно? — заорал я и бросил трубку.

Вторично баритон позвонил часов в девять.

— Здорово, Коля, это Петя,— жизнерадостно сообщил он.— Я утром вместо тебя какого-то психа разбудил, с тебя, говорю, должок, а он говорит: «Я не Коля». Представляешь?

— Послушайте, Петя, или как вас там... Сегодня утром вы разбудили не какого-то психа, а меня. И я не Коля.

— А кто? — тупо спросил баритон.

— Виктор Павлович, если хотите!

— Ах, так? — Баритон тяжело задышал.— Как одалживать, так ты Николай Федотович, а как отдавать — Виктор Павлович. Тоже юморист нашелся! Ты прямо скажи: деньги возвращать будешь?

— Не брал я никаких денег!

— Ох, Колька, не зря все говорят, что ты паразит! А насчет долга, так у меня три свидетеля есть, не открутишься! — Баритон плюнул в трубку, затем раздались короткие гудки.

Еще раз Петр позвонил в три часа ночи. Сухо и деловито он осведомился, есть ли у меня совесть, и сообщил, что всю следующую неделю будет работать в ночную смену. Так что звякнуть мне два-три раза за ночь для него не составит никакого труда.

Больше до утра мы к телефону не подходили, но и не спали, со страхом глядя на проклятый аппарат и ожидая, когда он зазвонит снова.

Вторая ночь ничем не отличалась от первой.

После третьей бессонной ночи жена, обмолвившись, назвала меня Коленькой и, спохватившись, нервно засмеялась.

— Извини, Виктор,— сказала она,— но так больше продолжаться не может! Отдай ему деньги, и пусть он ими подавится!

— То есть как отдать?! — закричал я.— Как отдать, если я даже не знаю, сколько я ему должен?

— Это очень просто выяснить. Хочешь, я сама спрошу у этого Пети...

— Что спросишь?

— Сколько у него занял Николай Федотович.

— А если Николай Федотович у него вообще денег не брал и Петька все врет?

— Ты сам знаешь, что у твоего Пети есть, к сожалению, свидетели.

— Да, ты права... Но постой! Почему я должен отдавать деньги? Я ведь не Николай Федотович.

— Ах, ты со своей принципиальностью иногда бываешь просто смешон!

Короче говоря, на следующую ночь в 0 часов 35 минут, после очередного звонка Пети, я капитулировал.

— Хорошо, сколько я вам должен? — спросил я.

— Сам помнить обязан! — строго ответил беспощадный Петя.

— Ну, а все-таки? — Я уже просто заискивал.

— Все-таки, все-таки... Двадцать пять, как одна копейка.

Я облегченно вздохнул: долг мог быть значительно больше.

— А где я могу вам отдать указанную сумму?

— Где брал, там и отдашь! А, впрочем, ладно. Не хочу лишний раз видеть твою подлую личность. Пришли деньги на почтамт до востребования. Петру Васильевичу Папашинскому. Почтовые расходы за твой счет.

— Хорошо, хорошо, спасибо! — сказал я.

В восемь утра я отправил Пете деньги. Больше он мне не звонил. И что удивительно — ни одна женщина с тех пор ни разу не спрашивала по моему телефону Николая Федотовича. Вот так.

...Рассказчик умолк, печально глядя на декоративные поленья в искусственном камине и посасывая пустую трубку...

— Какая странная история! — воскликнула восторженная хозяйка дома.

— Да, да...— задумчиво согласился кандидат технических наук Нейтронченко.— Все это тем более загадочно, что вот уже пять дней мне звонят по телефону какие-то незнакомые личности и, называя меня Степаном Степановичем, требуют, чтобы я возвратил им долг... Странно, очень странно!

Еще ближе придвинувшись к декоративному камину, мы продолжали говорить о загадочном и необъяснимом...

Улыбки разных широт

— Как ты можешь непрестанно ссориться с женой и в то же время уважать тещу?

— Когда-то именно она была против нашего брака.

●

Подруги обмениваются впечатлениями о прошлом вечере:

— Мы были в парке, запах цветов наполнял воздух,— сказала одна,— луна светила на небе так ярко, что можно было читать газету...

— Как поэтично! — воскликнула вторая подруга.— А что было потом?

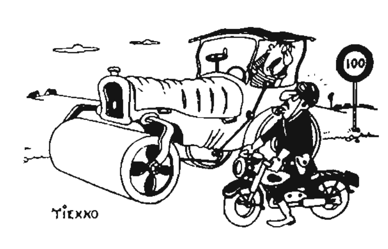
— Ничего,— вздохнула первая.— Он начал читать газету.

●

Мать просматривает тетради дочери-школьницы.

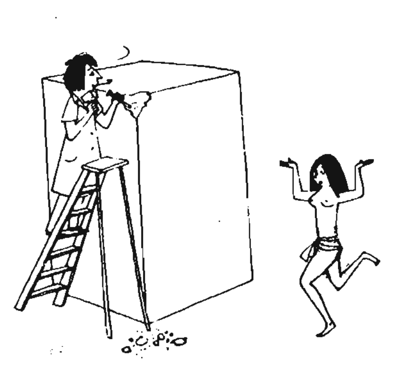
— Скажи, пожалуйста, почему эта тетрадь по арифметике даже не начата?

— А она для устного счета, мамочка.

— Почему превышаете дозволенную скорость?

«Сьемпре», Мексика.

— Не шевелись!

«Пари-матч», Франция.

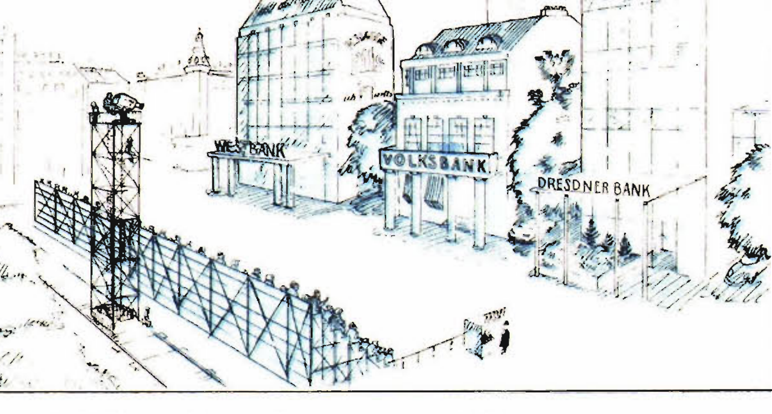
— Я всегда хожу за покупками в часы «пик». В другое время перейти улицу невозможно.

«Дейли миррор», Англия.

— Поклонись же, идиот!

«Нью-Йоркер», США.

— В 15.10 ограбление будет, это точно! Пока, правда, неизвестно, какого именно банка.

«Пардон», ФРГ.

Януш ОСЕНКА (Польша)

ИМПОРТНЫЙ СВИТЕР

Мне сразу показалось, что здесь что-то не так. У продавщицы было непривычно ангельское выражение лица, а завидев меня, она просто расцвела улыбкой.

— Что это? — спросил я, показывая на что-то шерстяное, лежавшее на полке.

— Свитер,— объяснила продавщица.

— Он продается? — спросил я.

— Конечно. Цена — шестьсот шестьдесят злотых.

— Почему так дешево? Он с браком?

— Нет. Просто такая цена.

— Будьте любезны,— сказал я,— можно поглядеть на него поближе?

— Пожалуйста.

Она протянула мне свитер.

— Качество вроде неплохое, и цвет нестандартный... Может, это брак?

— Что вы! — возмутилась продавщица.

— Если он не бракованный,— припер я ее к стенке,— тогда почему вы его продаете?

— Я думаю, это не требует объяснения. Мы предлагаем покупателям товары только высокого качества.

Ну, нет! Я не мог позволить, чтобы меня безнаказанно принимали за идиота.

— Если этот свитер не бракованный, то каким же образом он попал в ваш магазин?

— Не понимаю вас. Прекрасный свитер, сделан в Англии.

— То есть как так в Англии? Это английский свитер?

— Английский.

— Так, может быть, от него отказалась какая-нибудь другая страна, а мы взяли и купили?

— Нет. Никто от него не отказывался.

— И вы утверждаете, что он без брака! Так почему же его к нам завезли? По какой причине? Навязали нам эти свитеры в порядке нагрузки к какому-нибудь другому товару?

— Нет, нас никто не принуждал их покупать.

— Значит, добровольно! — рассердился я.— Ни с того ни с сего завозят к нам товар высокого качества! Почему, я вас спрашиваю? В чем подвох?

— Чтобы покупатели, такие, как вы, например, могли приобрести хороший импортный свитер.

Было ясно, что она просто надо мной насмехается. Я решил прикинуться простачком, чтобы потом самому поднять ее на смех. И я притворился, будто верю каждому ее слову.

— Прекрасно! — воскликнул я.— В таком случае я его беру. Я занимаю очередь, и как только вы начнете продажу, я буду первым и куплю этот свитер.

— Продажа у нас уже давно идет. С одиннадцати часов утра.

— Значит, очередь стоит во дворе?

— Нет. Просто нету никакой очереди.

Я был взбешен. Но в то же время мне было интересно узнать, что за всем этим кроется.

— Я понял! Вы мне его... из-под прилавка? Сколько я вам должен?

— Из-под прилавка? С чего вы взяли? Ведь ваш свитер лежит на прилавке.

— Извините! — сказал я.— Я понимаю, что каждый должен жить. Вы тоже. Я, возможно, и купил бы этот свитер, но не желаю выбрасывать деньги на ветер. Если вы мне скажете, какой в нем недостаток, я вас отблагодарю.

— В нем нет никаких недостатков. Он отличного качества.

Это было уже слишком.

— Без брака! Отличного качества! Без очереди! — иронически заметил я.— Из Англии его привезли специально для того, чтобы наш покупатель мог купить себе хороший, замечательный свитер по умеренной цене?! Может быть, вы считаете меня умственно неполноценным?

— Упаси боже! — запротестовала продавщица.

— Тогда зачем вы выставляете меня на посмешище? Может быть, вы еще скажете, что у вас найдется именно мой размер?

— Да. Имеются свитеры всех размеров.

— У меня нет никакой охоты продолжать этот скетч. Я пришел сюда, чтобы приобрести свитер, а не для того, чтобы выслушивать анекдоты. До свидания!

— Будем рады видеть вас снова в нашем магазине.

Я остановился в дверях.

— Вы слишком молоды, чтобы издеваться над пожилым человеком. «Будем рады вас видеть!» Да как вы смеете! Я человек трудящийся и не позволю делать из меня посмешище!

Я покинул магазин, едва владея собой от возмущения. Так обращаться с покупателем! Говорили, что в торговле наступит улучшение, и вот — пожалуйста!

Авторизованный перевод Н. ЛАБКОВСКОГО

Дино БУЦАТИ (Италия)

РЕПОРТАЖ ИЗ АДА

Курьер вошел в комнату и сказал, что меня вызывает главный редактор.

В его кабинете стоял полумрак. Шеф сидел за своим огромным столом и смотрел мне прямо в глаза.

— Мой дорогой Буцати, вы могли бы написать хороший репортаж о подземной дороге?..— как-то неуверенно начал он.

— О метро? С какой стати? — изумленно спросил я.

Он предложил мне сигарету, и я закурил.

— Во время прокладки туннеля один рабочий... некий Торнани случайно открыл... как бы вам сказать...

Я насторожился.

— Что открыл? — спросил я.— Клад? Очередную Венеру Милосскую?

— Хуже... Во время раскопок... В общем, он случайно наткнулся...

— Так, так, случайно наткнулся,— подбадривал его я.

— ...наткнулся... В общем, он случайно открыл двери в ад. Вернее, маленькую дверцу.

— И в нее можно войти?

— Говорят, можно. Я вас, конечно, не принуждаю... Но в конце концов кто должен отправиться в ад, как не лучший наш сотрудник? Торнани говорит, что он заглянул внутрь... Все так, как у нас... Это что-то вроде нашего города, с фонарями, автомобилями и прочими штуками. Ну, напишете?

И он протянул мне листок бумаги, на котором был адрес Торнани.

Итак, я пошел к Торнани.

— Скажите, дорогой, вы действительно докопались до пекла? — спросил я его.

— Какое пекло? Там даже прикурить не от чего. Все, как у нас: бары, кинотеатры, магазины. Да чего там разговаривать, пойдемте вниз...

Это был какой-то громадный город, похожий на Милан в часы «пик». Народ прямо кишмя кишел. Жители этого пекла суетились, дрались, звонили друг другу по телефону, целовались, работали и ели.

В общем, тут было все так же, как и у нас в Милане. То же дымное небо, наш милый смог, из-за которого нечем дышать, и никакого тебе солнца. Мы добрались до перекрестка, на котором образовалась приличная пробка. Перед светофором замерли сотни машин. Впрочем, если бы и зажегся зеленый свет, машины все равно не смогли бы двинуться ни назад, ни вперед — такая их тут была уйма. Водители были похожи скорее на обыкновенных людей, чем на чертей. Устало бросив ладони на баранки, они тупо глазели в пустоту перед собой, будто накурившись гашиша. И выйти из машины нельзя: такая теснота, что и дверцу не откроешь.

Гигантские бульдозеры, похожие на динозавров, сносили последние маленькие постройки и садики возле них. За ними шли чудовища, которые асфальтировали улицы. От грохота и жара ломило в ушах...

* * *

Так мне довелось побывать в аду.

Теперь я жду командировки в рай, ведь не может же быть ада без рая.

Улыбки разных широт

— Кто самый старый человек в вашем селе?

— Никто. Самый старый умер на днях.

●

— Обвиняемый,— говорит судья,— вы такой интеллигентный человек, а...

— Сожалею, господин судья, что не могу ответить вам подобным же комплиментом, ведь я присягал говорить только правду...

В одной шотландской больнице оперируют больного, случайно проглотившего теннисный мячик.

Медсестра спрашивает санитарку:

— Этот нервный господин с измученным лицом, так напряженно ожидающий исхода операции, он, наверно, близкий родственник больного?

— Да нет, это его партнер по теннису. Он хочет получить свой мячик...

●

Кинозвезда увольняет свою служанку.

— За что? — спрашивает горничная.

— За то, что вы всем говорите, что служите у меня уже тридцать лет.

●

— Сынок, ты уже второй год в первом классе, а умеешь считать только до десяти. Кем же ты думаешь быть?

— Судьей по боксу, папа.

КРОКОДИЛ

№ 8 (2018)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Безуглов (г. Ставрополь), М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, В. Каневский, Н. Лисогорский, В. Розанцев, В. Спельников (г. Рязань), И. Сычев, В. Тильман.

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия: М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора), Е. П. ДУБРОВИН, Б. А. ЕГОРОВ, Б. Е. ЕФИМОВ, Г. О. МАРЧИК (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ, Е. А. ШУКАЕВ (художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28/II 1972 г. А 00833. Подписано к печати 9/III 1972 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 170 100). Изд. № 675. Заказ № 2641.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Политика правящих кругов Лондона заключается в том, чтобы «Общий рынок» после вступления в него Англии взял на себя расширенные военные обязательства.

ДАМА С СОБАЧКОЙ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА